

«С приходом весеннего равноденствия и яйца красивые» — так гласит старая пословица. Устанавливать яйца вертикально в день весеннего равноденствия — давняя традиция, и Юй Шанчжи ещё в своей прежней жизни слышал о ней. Говорят, что именно потому, что весеннее равноденствие приходится ровно на середину весны, в этот день легче всего поставить яйцо. Если удалось — значит, поймал удачу за хвост. Весь следующий год пройдёт без бед, гладко и счастливо, а в семье будет мир да благополучие, да ещё и потомство прибавится.

Снаружи ветер и морось, а в доме — тепло, спокойно и тихо. Все четверо по очереди протянули руки к корзине, предельно серьёзно выбирая «своё» яйцо. В хозяйстве было три курицы, и последние четыре-пять дней они регулярно приносили по яйцу.

Для «яиц Личун» годились только самые свежие — и эта корзинка как раз идеально подходила.

Вэнь Ецай распорядился:

— Начнёт самый младший по возрасту.

Первым выбирал Вэнь-санья. Он подошёл к делу со всей серьёзностью, тщательно перебрал всё, вглядывался, прикидывал — и в итоге выбрал маленькое, но ровное яйцо. Следом — Вэнь-эрню. Она дотошно взвешивала каждое яйцо в ладони, присматривалась с важным видом, и в конце концов выбрала то, которое больше всего «глянулось».

Вэнь Ецай, считая себя главой семьи, решил, что выбирать ему следует последним.

— Шанчжи, теперь твоя очередь.

Но Юй Шанчжи покачал головой:

— Давайте по возрасту. Тебе выбирать.

Яиц в корзине было ограниченное количество, и чем раньше выбираешь, тем больше шансов взять удачное. Вэнь Ецай с детства привык уступать младшим, заботиться о них — и вот теперь впервые кто-то с таким же вниманием и заботой отнёсся к нему. Вэнь Ецай с улыбкой до ушей с готовностью принял заботу Юй Шанчжи — в душе у него сразу потеплело.

— Не хвастаюсь, но я в этом деле мастер, — с самодовольной уверенностью заявил он. — Сколько играю — ни разу не проиграл!

Он с азартом начал перебирать яйца, прикидывая в руке вес, форму, пока наконец не выбрал «то самое». Корзину с оставшимися яйцами аккуратно подвинули к Юй Шанчжи. Поскольку тот не видел, Вэнь Ецай заранее протёр все яйца насухо чистой тряпкой. Иначе, случись попасть на яйцо с куриным помётом — это бы совсем испортило весенний ритуал.

Юй Шанчжи, в отличие от людей этого мира, не был древним неучем — он прекрасно понимал, что устойчивость яйца зависит вовсе не от магии весеннего равноденствия, а от умения и баланса центра тяжести. Просто раньше он никогда не тратил время на подобные «пустяки» — знал теорию, но не имел дела с практикой.

Через несколько секунд он нащупал яйцо с классической формой — с одной стороны чуть острее, с другой — округлее. И оно легло в ладонь как родное.

— Ну что, начинаем? — Вэнь Ецай, не теряя ни секунды, убрал корзину, тщательно протёр столешницу — всё должно быть идеально.

Двое взрослых и двое малышей, затаив дыхание, закатав рукава, будто собирались приступить к великому делу, начали пытаться поставить гладкие, круглые яйца вертикально.

Юй Шанчжи вспомнил, как в прежней жизни слышал: прежде чем пытаться поставить яйцо, его нужно слегка встряхнуть — тогда желток внутри распределяется ровнее, и яйцо обретает лучший баланс. Но ведь эти яйца, возможно, ещё придётся выносить и обменивать на что-то в других домах — нельзя же их попусту портить. Если яйцо сильно встряхнуть, то и в приготовлении оно уже будет другим. Оно, конечно, не испортится, но мало ли — вдруг найдётся кто-то придирчивый.

Юй Шанчжи решил действовать по старинке: поставил яйцо широкой стороной вниз, выждал несколько секунд, а затем с предельной сосредоточенностью стал подбирать нужный угол — тот самый тонкий баланс, что позволит яйцу устоять.

Вдруг слева раздалось характерный звук, который не спутаешь: яйцо опрокинулось. Не нужно было спрашивать — это Вэнь-эрню. Вэнь Ецай же, весь во внимании, не сводил глаз с собственного яйца. Взгляд его скользил вбок, на остальных — особенно на Юй Шанчжи, который всё ещё не поставил яйцо, — и самоуверенность в нём лишь крепла.

Но радовался он недолго. Почти в тот же миг Юй Шанчжи, неторопливо и без лишних движений, отнял руку от яйца, и оно... устояло.

— Получилось, — спокойно сказал он.

Юный доктор с чистым лицом, словно выточенным из нефрита, невидящим взором смотрел в одну точку в воздухе, но в глазах его плавала лёгкая, едва заметная улыбка. Вэнь Ецай оторопело уставился, рука дрогнула — и его яйцо чуть не укатилось со стола.

Позорище. Щёки тут же запылали, он опустил голову и удвоил концентрацию.

Вскоре после этого и Вэнь Ецай поставил яйцо — аккуратно, уверенно, с чувством победы. Следом за ним справился и Вэнь-санья.

А вот Вэнь-эрню, оставшаяся последней, под взглядами всех троих то и дело терпела неудачу. В итоге она сникла и с горестным вздохом уронила голову на стол:

— Это яйцо вредное! Оно точно со мной нарочно ссорится!

Казалось, она вот-вот бросит это дело, но неожиданно выпрямилась с новой решимостью:

— Ну нет! Не верю я! Сегодня точно заставлю его стоять!

Упрямая до мозга костей — за это на неё и смотреть приходилось совсем иначе.

Юй Шанчжи не стал держать в секрете свои знания: он воспринимал это как простую развивающую игру и начал делиться советами и хитростями. Вэнь Ецай тоже включился, подсказывал и объяснял, отчего Вэнь-эрню даже дышать боялась громко. А Вэнь-санья тем временем с жаром подбадривал сестру. И вот, наконец, — под радостные возгласы — она поставила яйцо!

Юй Шанчжи, заражённый общей атмосферой, и сам не заметил, как губы его изогнулись в искренней улыбке — и эта улыбка всё не сходила с его лица.

Перед началом игры Вэнь Ецай заявил, что только тот, кто первым поставит яйцо, получит за обедом яичное суфле. Но разве Юй Шанчжи стал бы тягаться с детьми за одну порцию угощения? Так что к обеду на столе оказалась целая большая чаша нежнейшего парового яичного суфле, приготовленного из всех отобранных яиц сразу. Сверху не забыли капнуть чуть-чуть ароматного кунжутного масла — запах стоял такой, что у всех мгновенно потекли слюнки.

— Это же Шанчжи нас угостил, — сказал Вэнь Ецай, — так пусть и на нас перейдёт удача весеннего яйца.

Он ловко разрезал яичное суфле ложкой на четыре равные части и разложил по чашкам — каждому по порции.

Юй Шанчжи зачерпнул ложку и попробовал: суфле оказалось на редкость нежным, с лёгким вкусом яиц и едва уловимой солоноватой ноткой. Стоило коснуться его языком — и оно тут же таяло, оставляя во рту мягкий, тёплый аромат.

Снаружи в дом проникал ветер, пропитанный дождём и запахом земли. Сквозь щели в дверях он приносил прохладу и свежесть. День, полный тишины и уюта, незаметно перешёл через половину.

После полудня дождь прекратился. Земля во дворе осталась влажной и раскисшей, и лекарственные травы пока было невозможно вынести обратно. Но Вэнь Ецай не умел сидеть без дела — собрался с Даваном пройтись по полям, а потом подняться в горы — вдруг повезёт.

— После обеда человек сонный, не геройствуй, — сказал он, собирая снаряжение. — Выпей лекарства и иди приляг, отдохни. Я успею вернуться до темноты.

Сегодня он не собирался охотиться — в лес за зверем не шёл, а нацелился на рыбу: после дождя в горных ручьях поднимается вода, и рыба часто выходит на мель. С собой он взял одну корзину за спиной и плетёную рыбную корзинку в руки.

Юй Шанчжи, помнивший, что у Вэнь Ецай в сырую погоду всегда болят ноги, не одобрял его затею — выходить в такую погоду явно не стоило.

Вэнь Ецай, услышав причину беспокойства, только махнул рукой:

— Не слушай Эрню, мелкая она, нагоняет страху. Да ничего там страшного. Да и вообще — после дождя вода в горных ручьях поднимается, и рыба с верховьев сама идёт вниз, легко поймать крупных. Иногда и крабы попадаются, хотя в эту пору они ещё не жирные.

Юй Шанчжи понял, что отговорить его не удастся, и только вздохнул:

— Тогда возвращайся пораньше. Если к вечеру нога разболится, я тебе сделаю иглоукалывание.

К самому иглоукалыванию Вэнь Ецай относился с лёгкой опаской — всё-таки дело такое, чужая рука, да ещё с иглой. Но стоило ему представить, кто именно будет держать эти иглы — опасения как-то сразу утихли. Если это будет Шанчжи... ну, тогда не так уж и страшно.

Он сунул за пояс нож, который всегда носил с собой, и бодро сказал:

— Вот поймаю рыбу — по пути зайду к дяде Чжуану, возьму кусок тофу. На ужин сварим суп с рыбой и тофу.

Юй Шанчжи ни разу не ловил рыбу в горных ручьях. В его представлении рыбу либо тянут из реки сетью, либо выуживают удочкой. А сейчас, чувствуя себя в безопасности рядом с Вэнь Ецаем, он даже не сдержался — задал вопрос вслух, без лишних размышлений.

Вэнь Ецай удивился:

— Ты хоть и с виду взрослый мужчина, но с детства ни разу не лазил в речку за рыбой? А в рисовых полях хэуа-юй ловить пробовал?

В этот момент Юй Шанчжи уже понял, что задал довольно глупый вопрос, но, к счастью, прошлое его тела всё ещё служило ему прикрытием, и благодаря ему можно было легко замять неловкость.

Как и ожидалось, Вэнь Ецай сам нашёл объяснение:

— Твой учитель, когда тебя подобрал, уже был немолод, да? А ты с ранних лет учился медицине — не до шалостей тебе было, с другими пацанами-то не побегаешь по речкам.

Он поправил на плече ремень от корзины, продолжая:

— Рыбу ловить — дело нехитрое. Если времени много, можно просто бросить корзину в ручей, подождать, а потом посмотреть — почти всегда в ней что-нибудь окажется. Я так делал, когда охотился в горах. Но сегодня времени нет, значит, буду рыбу копьём бить.

Юй Шанчжи внимательно слушал. Оказалось, копьё для рыбалки — дело тонкое: нужна точность, ловкость, сила, и даже ветка, из которой делают острогу, должна быть подходящей.

— А вот в рисовых полях водятся хэуа-юй, их ещё называют «полевой рыбой», — продолжал Вэнь Ецай. — Эти и вовсе дурачки, полдеревни пацанов их голыми руками хватают, как нечего делать.

Не заметив сам, он проговорил с Юй Шанчжи довольно долго, делясь всем этим с каким-то тёплым, лёгким настроением. В конце даже с весёлой уверенностью сказал:

— Вот вылечишь глаза — когда в следующий раз пойдём собирать травы в горы, я тебя с собой за рыбой возьму.

Проводив Вэнь Ецай, Юй Шанчжи вернулся в дом один. Сна у него не было, и он не стал, как советовал Ецай, лечь отдохнуть. Вместо этого на ощупь дошёл до стола, сел, повернувшись лицом к окну, и погрузился в лёгкие, но глубокие раздумья. Причиной этой тишины в мыслях стали слова, сказанные Вэнь Ецаем перед уходом. Просто фраза, простое обещание — «возьму тебя с собой» — но оно, словно невидимое семя, уже успело пустить корень в его сердце.

Странно...

Ещё вчера он всеми силами отнекивался от всяких "тесных отношений" с Вэнь Ецаем, искал повод отступить. А сегодня — всего лишь одно «возьму с собой» — и он уже машинально начал представлять, как будет выглядеть то будущее, где его зрение вернётся.

Этот маленький дом дал ему то, чего прежде у него не было. Здесь было тепло, было шуточное озорство, было ощущение опоры — того, что рядом есть кто-то, кто прикроет, кто скажет «пойдём со мной».

Он ясно осознавал: вероятно, он уже начал привыкать к этому... даже получать от этого радость.

Но, несмотря на все эти мысли, на его лице не было ни тени облегчения.

***

Ближе к вечеру, когда небо уже окрасилось в багряные тона заката, в ветер понемногу начала просачиваться вечерняя прохлада.

Вэнь Ецай всё ещё не вернулся домой.

Юй Шанчжи сидел в кухне, прислушиваясь к шороху снаружи, а сам сторожил маленькую глиняную печку, на которой медленно кипел отвар. Вэнь-эрню вошла в дом с охапкой тонких дров и пучком сухой мятной травы для розжига, положила всё рядом с очагом и с тревогой сказала:

— Уже темнеет, а брат всё не идёт... почему его до сих пор нет?

Юй Шанчжи уловил в воздухе усиливающийся запах трав — настой становился всё гуще, а в груди у него будто забилося что-то неровное.

— Он говорил, что вернётся до наступления темноты. Может, задержался у дяди Чжуаня, пока тофу резал?

— Брат, если сказал, что вернётся до темноты, значит, так и сделает, — уверенно возразила Вэнь Эрню. — Он ведь сам всегда твердит: «нужно до заката быть дома». В горах темнеет быстро, деревья там высокие, как начнёт смеркаться — вообще ничего не видно.

Пока она говорила, в голосе её уже слышалась тревога. До этого она долго стояла у ворот, глядя вдаль, высматривая знакомую фигуру.

Через какое-то время она не выдержала и решительно сказала:

— Брат Юй, ты останься дома с Санъя, а я возьму Эрвана и сбегаю к дяде Чжуаню. Если его там нет — пойду дальше, навстречу, по дороге в горы.

Юй Шанчжи и сам хотел пойти с ней, но понимал: с его слепотой он только создаст помеху. Эрван — преданный и надёжный пёс, в случае чего сможет защитить, куда полезнее от него самого, слепого лекаря, толку сейчас немного.

Оставшись ждать в доме, он впервые почувствовал, как время начинает течь медленно, вязко, как каждая минута становится мучительной.

Тем временем на деревенской тропе.

Сюй Пэн быстро и молча тянул за собой тележку. От грохота и спешки люди у дороги один за другим высовывались из домов, переглядывались, ахали.

— Ай, боже ты мой, что случилось? На телеге же, кажется, Цай-гер лежит?!

— Собаки обе за ним бегут! Наверняка в горах на охоте случилось несчастье!

— Эх, в такую темень — куда теперь за лекарем? Да ещё кто знает, можно ли его вообще спасти...

— Ты, старый, не в себе? Забыл, что его-то муж и есть лекарь!

У каждого — свои мысли, свои догадки, свои страхи. Многие, оставив ужин, начали сбиваться в группы и выходить следом за тележкой, кто крадучись, кто открыто — вся деревня, как на иголках, двигалась вслед, вытягивая шеи и напряжённо глядя вперёд.

Сюй Пэн мчался так быстро, что в одно мгновение дотащил тележку вместе с лежащим на ней человеком прямо к воротам дома Вэнь. Во дворе впервые за долгое время раздался лай собак, и все внутри резко вскочили на ноги.

Юй Шанчжи в этом шуме тотчас услышал взволнованный голос тёти Цуй из семьи Сюй, и ещё — захлёбывающийся от слёз крик Эрню:

— Брат! Брааат!

У него в голове всё загудело. Он сразу понял — случилось что-то страшное. Почти позабыв про свою слепоту, он вскочил и, спотыкаясь, бросился к выходу.

В этот момент Вэнь-санья успел подхватить его под руку, и, поддерживая друг друга, взрослый и ребёнок вперёд, торопливо, с тревогой в груди, бросились к воротам. Одновременно с этим Вэнь-эрню в слезах кинулась к Юй Шанчжи, вцепилась в его рукав обеими руками.

— Брат Юй! Посмотри скорее на моего брата! Его... его укусила змея!